

М. Литовская, Яо Чэнчэн

КИТАЙ И КИТАЙЦЫ В РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920–1930-х гг.

Проанализирована динамика изображения Китая и китайцев в советской детской литературе 1920–1930-х гг., выявлены закономерности в создании образа страны-соседа, определены социализационные задачи, которые авторы ставили и решали в текстах для детей. Показано, что «литературный», опирающийся на традицию шинуазри, и пропагандистский образы Китая и китайцев не только дополняют друг друга, но и не всегда отрефлексированно расходятся, в результате создается разрыв между образом Китая как революционной страны, готовой сбросить «колониальное иго», и неподвижной цивилизацией, застывшей в своем изысканном великолепии.

Ключевые слова: Русская детская литература 1920–1930-х гг., образ Китая в литературе, Н. Агнивцев, А. Барто, Г. Вяткин, Б. Житков, П. Яковлев.

Из-за географического расположения России и Китая культурное взаимодействие двух стран-соседей имеет длительную историю. При этом Китай для России остается традиционным чужим, другим, вынужденно ближним, но в силу иного пути развития, приверженности традиционным обычаям полным радикальных отличий. Эти отличия очевидны и при определенных обстоятельствах могут восприниматься как притягательная экзотика. Экзотическая ипостась Китая в российском обществе была сконструирована еще в XVIII в. и тесно связана с явлением шинуазри — стилизацией мотивов и стилистических приемов средневекового китайского искусства в живописи и декоративно-прикладном творчестве. Этот стиль наглядно представлен в устройстве Китайской деревни Царского Села с ее домиками необычной архитектуры, расположенными за границей, но в виду «игрушечной Российской империи». В Китайском дворце Ораниенбаума были собраны удивительные фарфор, вышивки, эмали, лаковые шкапулки, мебель черного дерева из «срединного государства» и подражания им. На протяжении XIX в. все более популярны становились ярмарочные павильоны в виде пагод, театр «китайских теней»

[Костюхина 2013, с. 145–146], разрисованные жестяные коробки с чаем, затейливые игрушки — бумажные цветы, фонарики, драконы, «болванчики», представляющие китайцев: молчаливых, кланяющихся, с загадочными полуулыбками, себе на уме¹.

С 1862 г., когда на основе Пекинского договора были подписаны правила русско-китайской торговли, российско-китайские связи укрепились; идеи, связанные с историей и культурой Китая, начинают оказывать все более существенное влияние на общественную мысль России², все больше русских получают возможность приехать в Китай, и все больше китайцев оказывается в России. Кроме дипломатов, сотрудников разного рода торговых организаций, в Россию попадает также немало китайцев-переселенцев: в 1899 г. после Ихэтуаньского восстания, в 1904 после русско-японской войны, когда русские войска оставили часть Маньчжурии японцам, наконец, во время Первой мировой войны, когда в России нанимают все больше китайцев как дешевую рабочую силу вместо русских мужчин, призванных в армию.

Для нашей темы важно, что китайцы перестали быть таинственными экзотическими персонажами с ваз и картинок, воплотились в реальных торговцев, держателей прачечных, циркачей, землекопов, солдат — реальных людей, но необычной внешности и поведения. «Китайский болванчик», «китайская грамота», «китайские церемонии» — набор популярных русских фразеологизмов, связанных с Китаем, довольно точно передает массовое отношение к китайскому, в котором соединяются изумление перед непонятым и ирония по отношению к неуместной усложненности этого непонятого.

Не слишком очевидное, но значительное присутствие Китая и китайцев в жизни российского общества, в его повседневной жизни не могли не отразиться в литературе, в том числе и детской. Самым известным текстом о Китае стала сказка Г.-Х. Андерсена «Соловей», переведенная на русский язык в 1844 г. и до сих пор входящая в круг чтения русских детей. Классический перевод А. В. Ганзен начинается словами: «В Китае, как ты знаешь, и сам император и все его подданные — китайцы» [Андерсен 1967, с. 3]. Образу удивительной страны гипертрофированного чинопочитания (китайские церемонии) и преклонения перед волей императора, где всему естественному предпочитают искусственное, отчасти противостоит образ, созданный Л. Н. Толстым в «Новой азбуке» (1875), одной из целей которой было объяснение ребенку

явлений окружающего мира. В рассказе «Китайская царица Си-линчи» Толстой обращается к знакомому детям разным сословий материальному предмету, связанному с Китаем, — шелковой ткани, и создает привлекательный образ родины шелка и ее мудрой, открытой новому знанию правительницы.

Косвенно о том, какое место занимал Китай в сознании российского ребенка из городской образованной семьи начала XX в., можно судить по рассказу Леонида Пантелеева «Сто почтовых марок» (1974) из цикла «Дом у Египетского моста», где речь идет о двух маленьких мальчиках (один из них — автобиографический герой), бонна которых пообещала им, что, если они соберут по сто марок, им пришлют из Китая или сервиз, или живого китайчонка. Повествователь подробно вспоминает, какими ему представлялись китайчата и чем были вызваны эти его представления (изображения на вазах в магазине и живые китайцы с улиц Петербурга), и как мечта об экзотическом, вроде тигренка или медвежонка, живом китайчонке, «уютном, милом, забавном», исчезла, когда к ним домой пришел голодный подросток китаец-жонглер, побирушка с «серыми руками», который не выдержал и украл холодную котлету с блюда. Мать героя пожалела мальчишку и дала ему с собой еды и денег. В рассказе прямо выражено отношение к китайцам как к людям несчастным, вынужденным торговать вразнос или строить маньчжурскую дорогу за чашку риса в день. Главный герой знает из взрослых разговоров и по собственному опыту, что китайцы продают странные красивые бумажные игрушки и держат лучшие прачечные. Китайцы плохо говорят по-русски, они странные в своих синих халатах и коротких штанах, шапочках и со смоляными косами³. У мальчика щемит сердце от жалости к чужеземцам, когда он глядит на них, но огромные китайские вазы в витрине магазина приводят его в восторг⁴.

Вторая «волна» шинуазри, которая накрыла отказавшуюся от евроцентризма Европу в начале XX в., затронула и Россию. В знаменитой песне Александра Вертинского 1916 г. «китайчонки Ли» вместе с «лиловым негром», малайцем и португальцем символически обозначают космополитизм начала XX в. В русской литературе появляется множество произведений с китайскими мотивами («Фарфоровый павильон» Николая Гумилева, «Му-Сян. Китайский роман» и сказки Власа Дорошевича и многие другие). Одновременно муссируются темы «желтой опасности» и «отсталости» Востока от Запада⁵. В российском обществе

накануне революции циркулировали различные мнения о Китае, в котором как раз происходили серьезные социально-политические изменения [Лукин 2007, с.162].

В 1917 г. кардинальным образом поменялась политическая ситуация в России, и Китай оказался на дальней периферии общественного внимания, хотя многие китайцы-переселенцы остались в России после революции (по переписи 1928 г. в стране насчитывалось около ста тысяч китайцев [Лукин 2007, с. 78]), а в Китай, в свою очередь, переехали тысячи эмигрантов из России, несогласных с политикой советской власти. Собрав воедино и первично систематизировав художественные тексты, главными героями которых являются китайцы, легко заметить, что пик интереса к теме приходится на середину 1920-х — 1930-х гг. Хотя многие российско-китайские связи в СССР не афишировались, новости Китая, связанные с политической обстановкой в самом Китае, а также с улучшениями и ухудшениями советско-китайских дипломатических отношений, постоянно фигурировали в советских газетах [Литовская, Ши, 2016]. Повышенный интерес к китайской тематике был также обусловлен установкой СССР на активный, в том числе и символический патронаж тех политических движений, которые можно было трактовать как народно-освободительные. Литературная обработка темы революционного Китая резко сократилась после начала Японо-китайской войны 1937–1945 гг.

В детской литературе 1920-х — 1930-х гг. «китайская тема» возникает постоянно и развивается по нескольким направлениям. Наиболее заметно разрабатывается тема роста революционных настроений китайского народа, в рамках которой определяется как важнейшая роль СССР в истории национально-освободительных войн в Китае.

С предельной прямолинейностью зависимость революционного Китая от СССР выражена в стихотворении 1925 г. «Китайченок — октябрятам», подписанном именем Вузя и опубликованном в журнале «Мурзилка»: «В стране моей уж много дней/Буржуи царствуют над нами;/Мы подрастем/И их побьем,/И будем жить в союзе с вами./Своей рукой/Китай родной/Спасти сумеют китайчата./Но просим Вас,/Чтоб вы о нас/Не забывали — октябрята!» [Вузя 1925]. Изображенный на иллюстрации китайский мальчик, глядящий прямо на читателя, как будто обращается непосредственно к нему — советскому младшему школьнику, обещая ему дружбу в будущем и прося поддержки сейчас. Эта просьба носит

абсолютно риторический характер, но ее символическое значение принципиально. Дети на равных со взрослыми участвуют в революционном преобразовании мира. Советский политически подкованный (октябренок!) ребенок по определению интернационалист и помощник пролетарским детям всего мира. Он имеет преимущество перед детьми из других стран, так как в СССР уже произошла пролетарская революция, и советский ребенок живет в стране, свободной от «буржуев» и угнетения, являясь образцом счастливого детства для своих сверстников из «стран капитала».

Популярный в 1920-е гг. сюжет детской литературы о путешествии иностранца в СССР в китайском «изводе» носит подчеркнуто условный характер. Маленькие китайцы невероятным образом попадают в СССР как страну мечты всех несправедливо угнетенных и встречаются там с пионерами, чтобы в финале буквально идти с ними в одном строю борцов за светлое будущее.

В тексте сценария мультипликационного фильма режиссера М. Бендерской по сценарию В. Левингтона «Приключения китайчат» (1928) действие начинается «в старом городе Шанхае», где живет семья главных героев:

Бедным кули был Чихай,
Он таскал пудами чай.
У китайца, у Чихая,
Сын Липул и дочь Ликая.
Рядом был богатый дом,
Жил там англичанин Том.
Том вгонял китайцев в пот
И растил себе живот.
Богачу не любо слушать,
что хотят ребята кушать.
<...>
К Тому наши китайчата
поступают в поварята.
Тут они узнали мигом,
Что зовут на свете игом.

После того, как повар наказал девочку за очередную неловкость, «крошка» заплакала, «слезы залили пирог» для гостей Тома, тот рассердился: «Зарычал английский пес: /“Не терплю в пирожном слез!”»

Липул утешает девочку рассказом о стране, которую он не называет, но ребенок-зритель легко угадает, о чем идет речь:

Ты не плачь, сестра Ликая,
 В мире есть страна такая,
 Где свободен бедный люд,
 Там детей совсем не бьют.

Но прежде, чем попасть в неназванный СССР, дети, спасаясь от преследований, доплывают до Африки, а затем до США. И там, и там они встречают белых расистов, один из которых бьет черных рабов, второй — мистер Смит, сначала утверждает, что «Америка страна/И свободна, и славна», потом советует детям вымыть их желтые лица, а узнав, что они из Шанхая, «кричит на них: /Здесь не место для цветных». На замечание Тома о «свободе» Смит называет его «негодным большевиком», и дети на дирижаблеподобном летательном аппарате улетают в Советский Союз: «Китайчата держат путь/В край, где вольно дышит грудь». Попадают они прямо на пионерскую линейку и ободренные советскими детьми встраиваются в отряд:

Будь готов!
 Всегда готов
 Быть на страже СССР!
 Поведет вас к жизни новой
 Наш советский пионер!

В заключительной патетической строфе Левингтон использует слова из Клятвы пионеров, новая жизнь уравнивается им с организованным существованием в кругу сверстников, а эмиграция из Китая в СССР рассматривается как приемлемый выход из сложной ситуации.

Этот выход близок идее создания Университета трудящихся Китая имени Сунь Ятсена (с 1928 — Коммунистический университет трудящихся Китая), работавшего в Москве как раз в 1925–1930-х гг., когда в русской литературе создавалось большинство произведений об СССР как мечте китайских угнетенных детей. В университете получали обществоведческое и военное образование активисты китайского национально-освободительного движения [Панин 2011]. Перенос реалий взрослой жизни на жизнь детей характерен для советской детской литературы этого периода.

Тема учебы у СССР ранее уже затрагивалась в стихотворении А. Барто «Китайчонок Ван Ли» (1925), где также рассказано, как китайский подросток присоединяется к советскому

пионерскому отряду. Поэтесса создает выразительный портрет главного героя, живущего в «провинции южной Китая», который назван «страной бамбука и чая»:

Глаза его узки, как щелки,
он смотрит сердито и косо,
а волосы жестки и колки
и сзади спускаются в косу [Барто 1925, с. 2].

Отец мальчика с экзотической для русского читателя-ребенка внешностью — немолодой и больной носильщик-кули, которому Ван Ли начинает помогать, хотя эта тяжелая физическая работа ему не по возрасту и не по силам. Тогда Ван Ли отдают в бой-слуги, где его не кормят, оскорбляют и бьют. Мальчик «от жизни устать успел», «глаза его хмурятся зло». Ему не помогает ни «бездушный каменный идол» Будда, ни взрослые, которым нет до него дела: они либо безропотные забитые угнетенные, либо угнетатели — «мандарины в красивых камзолах», томные от опия, да иностранцы, которые «тоже курят и пьют целый день».

Спасают мальчика от отчаянья только мечты о «далекой стране, /где все хорошо, /как во сне». Счастье и силу этой страны символизируют пионеры:

Удар барабана:
Пионеры
По плитам в ритм!
Крепкие ноги,
Руки, спины.
Лица серьезны,
Шеренги длинные.

Каким-то чудом Ван Ли оказывается в этой шеренге, и, хотя идет он сутуло и сбоку, «мелкой походкой китайца», все же он в общем строю, и мечты его приобретают революционный размах:

Ван Ли пионер.
Не чудо ли?
Слава ребяческой удали!
Идет, об одном мечтая,
Что красной шеренгой дружной
Дойдет пионер до Китая,
А там до провинции южной [Барто 1925, с. 8].

Иллюстрации А. Ворожежко к книге «Дзын-Фу-Фун: для октябрат про китайчат». (Ростов-на-Дону: Севкавкнига, 1926)

Более сложный сюжет, также связанный с идеей учебы у СССР и экспорта революционного опыта, разворачивается в сказке, как ее определяет сам автор, П. Яковлева «Дзын-Фу-Фун: для октябрат про китайчат» (1926). Главные герои — брат и сестра — живут подаяннем в городе Пекине, где богатые иностранцы унижают их, гонят отовсюду, даже обещают затравить бульдогами. Спасает ребят «матросик Яша, / Возвращавшийся с футбола, / Счастье, гордость, сила наша, / Украшенье комсомола [Яковлев 1926, с. 8]. Он берет детей с собой на советский корабль «Комсомолец», потому что «все турчата, япончата, / китайчата, / негритята / — Для советской стороны / ребятишки все равны» [с. 12]. Яша привозит Дзэн-Фу-Фына и его сестру к себе домой, сообщив матери, что «привез с собой внучат — / беспризорных китайчат» [с. 14]. Дети пошли в школу, записались в отряд октябрат: «Твердый шаг у октябрат, / Не отряд — а загляденье! / Пионерам подкрепленье, / А врагам рабочих — страх!» [с. 18]. Но китайчата тоскуют по Китаю и просятя вместе с Яшей обратно на корабль:

Здесь не знали мы обид.
 Здесь, в советской стороне,
 Были счастливы вполне,
 Но тоскует сердце наше
 О китайских детях, Яша...
 И решили мы с сестрой
 В край уехать свой родной.
 Там остался Ли-Пью-Чая,
 Там остался Ни-Дзю-Ван,
 Отвезем им красный флаг,
 Отвезем им барабан. <..>
 Там осталась Сан-Ли-Тая,

Там остался Чай-Ли-Фу,
Там детей всего Китая
Созовем мы на борьбу.
Соберем отряд там детский
И поднимем флаг советский
Над китайской страной
Нашей милой и родной.
Богачи же пусть ворчат,
Пусть ворчат,
Шипят,
Рычат,
Лопнут пусть с тоски уроды,
Но добьемся мы свободы
Для всех нищих китайчат [Яковлев 1926, с. 21].

Яша соглашается с просьбой детей и привозит их обратно в Китай, где дети выполняют свое обещание:

Через несколько же дней
Дзынь-Фу-Фун собрал детей
Всех китайских бедняков
Вкруг пылающих костров;
И кострами октябрят
Весь Китай теперь объят.
Вот Дзянь-Фун у нас каков!

***

Сказку помни:
Будь готов! [Яковлев 1926, с. 24]

Китай вновь предстает своего рода подтверждением верности революционного пути России, образцовости Октябрьской революции, служащей ролевой моделью для пролетариев всего мира. Поэтому пионеры — люди из страны уже победившей пролетарской революции — являются для «китайчат» ролевой моделью: сильные, самостоятельные, уверенные в себе дети, которые не подвергаются унижениям и эксплуатации. Китайчата восстают против устоявшегося мира терпеливых взрослых трудящихся и злобных «хозяев» — мандаринов и иностранцев. Они — хотя об этом не говорится прямо — будущее Китая, они не хотят быть кули, рикшами и боями, предпочитая маршировать в пионерских рядах. Таким образом, символически изображается освобождение от колониальной зависимости.

В ряду книг о путешествии китайцев в СССР выделяется рассказ Г. А. Вяткина «Приключения китайского болванчика» (1929), где главным героем является деревянная фигурка китайского бога, из мастерской скульптора попадающая сначала к китайскому монаху, потом по реке Иртыш в пионерский отряд в Омске, оттуда на Север к «остякам», затем на советский пароход и в английский музей, а в итоге — в английскую полицию. Хотя этот рассказ носит, скорее, общеобразовательный характер (в нем даются сведения по географии, этнографии и т. п.), в «Приключениях китайского болванчика», как и в других книгах этого времени, немалое внимание уделяется важной для советского воспитания антирелигиозной пропаганде, подчеркивается недопустимость классового неравенства, а также прославляется пионерская смекалка. Когда божок Ап-Чхи попадает в руки пионеров, они не сжигают его, как предлагает один из них, а выцарапывают на фигурке задом наперед лозунг «Даешь мировую революцию» и отправляют в дальнейшее плавание. Именно из-за этого лозунга божка лишают статуса музейного экспоната и отправляют в полицейский участок: эмигрант граф Тольский, прочитав этот призыв, усмотрел в нем большевистскую пропаганду. Несмотря на то, что Ап-Чхи было больно, когда на нем выцарапывали буквы, и грустно лежать в мусорной куче, он думает: «Куда лучше было бы остаться у этих загорелых ребят с красными галстуками — они так весело смеются, так дружно поют и еще дружнее работают. Ах, если можно было бы превратиться в живого русского мальчугана и записаться в пионерский отряд!» [Вяткин 1929, с. 55–56]. Завершается повесть оптимистическим, хотя и не слишком своевременным для 1929 г., когда идея мировой революции утратила свою актуальность, восклицанием повествователя: «Подожди, Ап-Чхи! Еще немного, и ты увидишь на английских ребятишках такие же красные галстуки...» [Вяткин 1929, с. 56].

Сюжет путешествия, только на сей раз уже советских пионеров, реализован в стихотворении Владимира Маяковского «Прочти и катуй в Париж и Китай». Для В. Маяковского Китай 1920-х гг. — это в первую очередь товарищ СССР по борьбе с империализмом⁶, но в детском стихотворении объяснение причин революции в Китае соседствует с характеристикой китайцев и связанных с этой страной предметов, с которыми советский человек сталкивался в повседневной жизни.

Китай в этом стихотворении изображен как одно из важнейших государств на политической карте мира наряду с Францией, США

и Японией. Герои стихотворения — советские дети, которые путешествуют вокруг Земли, попадают в Китай после Японии. Две азиатские страны неявно сравниваются. Главная природная особенность Японии — действующие вулканы, разрушительной работе которых противостоят трудолюбивые японцы. Если японцы терпеливо отражают удары прекрасной, но опасной природы, то Китай — страна «за морем» от Японии, изображен как государство, цивилизационно значимое. Это «родина чая, родина риса» и — косвенно — «разрисованных чашек», то есть фарфора. Если японцы трудолюбивы, то китайцы скромны в своих потребностях. Если у японцев враг — природа, то у китайцев — английские купцы, угрожающие войной.

Англичане изображены как колонизаторы-эксплуататоры, привыкшие унижать людей и даже убивать непокорных:

На людях
мы
кататься привыкли.
Китайцев таких
называем «рикши».
В рабочих привыкли всаживать
пули.
Рабочих таких
называем «кули» [Маяковский 1940, с. 301].

Реальная опасность, существующая в Китае для пионеров — героев стихотворения, связана с интервенцией и войной:

Мальчик китайский
русскому рад.
Встречает нас,
как брата брат.
Мы не грабители —
мы их не обидели.
За это
на нас
богатеи английский
сжимает кулак,
завидевши близко.
Едем схорониться
к советской границе [Маяковский 1940, с. 301].

Политическая ситуация предопределяет изображение Китая, другие особенности этой страны отходят на второй план⁷. Советские

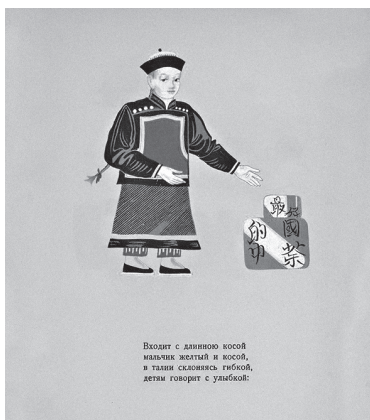

Иллюстрация к книге Ю. Грالیцы «Детский интернационал» (М.; Л.: Государственное издательство, 1926)

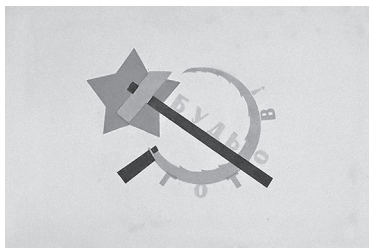
принявших предложение был и мальчик «желтый и косоый» — две узнаваемые черты китаецца. Он сообщает о себе, что он «возделывает чай», «ткет шелка и чесучу» и сеет рис, чтобы «голод не загрыз» [Грالیца 1926, с. 14–15].

В стихотворении Агнии Барто «Братишки» наряду с темнокожим, смуглым и белокожим мальчиками описан и «желтенький» мальчик-китаец:

Как у желтого братишки
Косоглазого мальчишки

пионеры убеждаются в преимуществах их родной страны по сравнению с капиталистическими странами, они умеют видеть признаки социального неравенства и возмущаться ими.

Советский ребенок — интернационалист по определению. Этому его качеству посвящено немало текстов 1920–1930-х гг. Поскольку символически интернационализм изображался через единство расово различных персонажей, то «желтым» нередко бывал китаец. Так, в поэме Ю. Грالیцы «Детский интернационал» (1926) рассказано об инициативе советских детей, поддержанной наркомом Чичериним, пригласить на жительство в советский детский дом «Муравей» детей из разных стран. В итоге дети разных народов — эскимосы, турки, поляки, немцы, русские и т.п. создали идеальную коммуны, живут по принципу «Пролетарии всех стран! Собирайтесь в дружный стан!» [Грالیца 1926, с. 32] и развели фруктовый сад, где работают и дети, и животные. Среди

Заключительный разворот издания стихотворения А. Барто «Братишки», переведенного на украинский язык О. Иваненко и проиллюстрированного Кешем (А. Барто. Братики. Одесса: Дитвидав, 1934)

Волосенки колкие
 Черными иголками.
 Он ножонками топочет
 И по-своему лопочет:
 «Чонга-Чанге
 Чен» [Барто 1935, с. 5].

Его мама ткет шелк, но хозяин не платит ей ничего, и она напевает сыну колыбельную песенку о том, что он вместе с другими братьями «будет в огне и дыме» [Барто 1935, с. 10] и победит. Книга завершается изображением того, как выросшие братья-пролетарии скинули своих буржуев, среди которых вверх тормашками летит и условный китайский «буржуй» — мандарин, которого на иллюстрации легко узнать по длинной косе.

В знаменитом стихотворении С. Маршака «Мистер-Твистер» (1933) обобщенный «китаец», рифмующийся с «малайцем», является одним из тех, кого не признает равным себе американский «владелец заводов, газет, пароходов» и кто является своего рода инструментом для проверки выздоровления главного героя от расизма.

Краткая информация о том, что советские дети должны знать о Китае, приводится в книге «Китай» (1930), оформленной художницей М. Синяковой:

И города, и деревни, и дети Китая непохожи на наши.

По улицам большого китайского города бегут люди и везут богатых китайцев в маленьких желтых колясках. Этим людей зовут дженерикши. Люди-водовозы везут на тачках воду, люди-ломовики, которые называются кули, несут на плечах тяжелые грузы.

Почему же все то, что у нас делают лошади и машины, в Китае делают люди?

Это потому, что китайцы-бедняки часто не имеют ни земли, ни работы. Чтобы заработать на еду, они превращаются в лошадей. За маленькую плату они возят богачей и таскают грузы.

<...> В Китае все время идет война. Воюют генералы между собою. Воюют революционеры с генералами. Революционеры-коммунисты хотят, чтобы власть в Китае принадлежала рабочим.

Тогда у всех китайцев будет работа и еда [Синякова 1930, с. 1].

В этой иллюстрированной книжке тексту отдана только первая страница, на всех остальных разворотах изображены китайские ремесленники, плетущие циновки, делающие фарфор и стекло, рыбаки, крестьяне, которые выращивают хлопок и чай, портовые рабочие. Китай всегда изображается как край терпеливых и трудолюбивых людей, способных выполнять как самую тонкую, так и самую тяжелую работу. Детям дают представление о мировом разделении труда, и Китай в 1920-е гг. в детских книгах — это, по уже приводившемуся определению В. Маяковского, «родина шелка, родина риса», а также родина чая и родина фарфора.

Сказка «Чинка-чаинка» Т. Пильчевской (1924), начавшаяся с традиционного для детской литературы описания разговора немых домашних обитателей — Самовара, Чайника, Часов, Паука и Чаинки о родине Чаинки Китая, переходит на рассказ о технологии изготовления разных сортов чая. Отвечая на вопросы невежды Паука, Чаинка рассказывает историю своего превращения из зеленого листка чайного дерева в сухой лист из чайной коробки, а ученые Часы дополняют ее воспоминания замечаниями, почерпнутыми из книг учителя, в комнате которого Часы висят. Замысловатая система рассказчиков закрепляет представление о роли Китая как главного поставщика чая на русский рынок.

Н. Агнивцев в стихотворении «Чашка чая» (1925) также объясняет мальчику-любителю чая, откуда берется этот напиток. Цель стихотворения прямо обозначена в посвящении: «Никитке Курихину. Чтобы знал — в чем дело!»

Ишь-ты,
вишь-ты,
Как сидишь ты...
И пьешь чай
Через край
Совершенно невзначай!
И не знаешь ведь про то,
Что:

Во все концы —
 О своем китайском чае —
 От Китая —
 В край — из края —
 Знай, трещать, как вентиляторы,
 Потому — эксплуататоры! [Агнивцев 1925, б/с]

Текст, несмотря на серьезность темы, подчеркнуто шуточный: Н. Агнивцев соблюдает в нем характерную для многих поэтов Серебряного века манеру разговаривать с детьми в снисходительно-юмористическом тоне. Эту особенность текста подчеркивают гротесковые иллюстрации В. Твардовского, где, помимо стилизованного изображения псевдокитайского шрифта, использованы стереотипные представления о китайцах: халаты, косы, невероятно длинные ногти богачей, джонки, китайские фонарики и т. п.

Той же теме посвящена книга Н. Остащенко, которая так и называется «Чай» (1925). Она рассказывает про «далекий Китай», где мальчишки Чо и Ли вместе со своими родителями собирают листья чайного дерева и т. д., только везут «разноцветные пакеты» с чаем не в Москву, а в Ленинград. В иллюстрациях к книге на черном фоне, видимо, имитирующем лаковую шкатулку, изображены условные фигурки не то японцев, не то китайцев. В этой книге нет ни слова об эксплуатации и Китай предстает как далекая экзотическая страна — родина популярного и тоже таинственного напитка.

Иллюстрация А. Кисия к книге Н. Остащенко «Чай» (Киев: Изд-во «Культура», б/г)

В 1930-е гг. политическая ситуация меняется. СССР все более ориентируется на собственное производство, в том числе чая в Грузии и шелка в Узбекистане, о чем появляются соответствующие детские книги, где Китай как прародитель этих популярных товаров уже не упоминается [Николаев 1931; Штеренберг 1931]. Признание цивилизационной роли Китая в области чая и шелководства отходит на периферию.

Сохраняется, правда, признание первостепенной роли

Китая в изготовлении фарфора. В 1925 г. Е. Данько пишет книгу «Китайский секрет», само название которой расставляет национальные приоритеты. История того, как европейцы пытались проникнуть в тайну изготовления удивительного материала, содержит не только подробное технологическое описание работы китайских мастеров, но и создает образ страны, где неразрывно сплелись творчество и жестокая эксплуатация рабочих. Книга неоднократно переиздавалась и менялась от издания к изданию даже после смерти автора: какие-то эпизоды добавлялись, другие изымались или переписывались⁸, но воспевание ценности китайского фарфора, увлекательная история того, как хитрый отец д'Антреколль в XVIII в. добывал секрет производства фарфора, сохранялись. При этом Данько в своем документально выверенном рассказе, описывая старый китайский город, явно опирается на традиции шинуазри, буквально перенасыщая рассказ экзотическими деталями китайской повседневной жизни.

В 1930-е гг. изображение Китая существенно меняется. Тема мировой революции в советской пропаганде резко сокращается, на первый план выходит борьба с фашизмом. Революционные китайцы почти исчезают из детской литературы, их место занимают дети немецких коммунистов, испанцы и другие европейцы, страдающие от фашизма. В литературе, посвященной восточным соседям, китайцев подвинули японские фашисты, характерные особенности дальневосточной «азиатской» внешности у которых приобретают резко отрицательный характер. Вспомним хотя бы описание полковника Мурасивы из поэмы С. Михалкова «Миша Корольков» (1938) о пионере, попавшем вместе с экипажем торгового корабля, на котором ехал на границу к отцу, в плен к «живым фашистам» — японцам («весь, как сморщенная слива/И на все на свете зол» [Михалков 1948, с. 87]), или «полицейского чина из штаба» («похож на краба»; «и за стеклами очков/что-то вроде червячков»), «смотрит хитрыми глазами», «даже Миша ростом выше» [с. 89]).

Китайские революционные солдаты проходят по периферии очерков о военных конфликтах на Дальнем Востоке, но превалируют неприкрашенные описания жизни китайцев из путевых очерков и рассказов. В «Уроке географии» (1933) Б. Житков рассказывает о жизни китайцев в трех английских колониях — на Цейлоне, в Сингапуре и Гонконге, основываясь на личных впечатлениях.

Реалии жизни китайцев в Гонконге порождают у Житкова этнографический интерес, они затмевают трансляцию выверенных

идеологических эмоций. Текст несет в себе противоречие, характерное для принятого в советской литературе идеологически детерминированного изображения другого мира. С одной стороны, показывать специфичность чужого кажется бессмысленным, так как, по мнению французского журналиста левых взглядов — автора очерков о Китае, «меняются лишь окрестности, краски пейзажа, но все время перед тобой остается уродливое лицо империализма» [Вайян-Кутурье 1937, с. 154]. В то же время именно детали жизни другого народа позволяют нарушить однозначность политических оценок.

Рассказчик описывает удивительный для советских детей опыт множества людей, живущих в лодках целыми семьями и лишенных права сходить на берег. Каждая семья ютится на маленькой шлюпке, в каюте которой (она служит также кухней) можно находиться только сидя. Их не пускают на берег даже во время тайфуна, и никто даже не знает, «сколько пропало китайчат и больших китайцев» [Житков 1989, с. 73]. С одной стороны, реакция рассказчика очевидна: колонии — страшное зло, колонизаторы безжалостны, такие условия жизни невыносимы. Б. Житков китайцам сочувствует, но возмущается не только поведением англичан, его раздражает и смиренная реакция китайца на свое рабское положение: тот радуется, что у него еще не было детей, когда пришел разрушительный тайфун, боится принять деньги, так как его могут обвинить в воровстве, не осуждает безжалостную систему запретов, установленную колонизаторами для китайцев. На уровне обыденного сознания угнетенный человек, хоть и вызывает жалость, но обладает чертами некоей неполноценности, прямо не отрефлексированной повествователем, являясь частью того мира, где китаец уравнивается с яркими колониальными марками⁹.

Представление о других этносах в популярной литературе 1920–1930-х гг. было предсказуемым: отношение к ним «предопределялось их ролью в классовой и общеполитической борьбе, а не этническими отличиями как таковыми. В этом — общем и главном — советская идеология была не только последовательна, но и тенденциозна: в тех случаях, когда этнические и расовые отличия рисовались ею как маркер социальной и политической сегрегации, ее жертвы обретали все шансы найти сочувственную встречу со стороны советской пропаганды» [Богданов 2014, с.189–190].

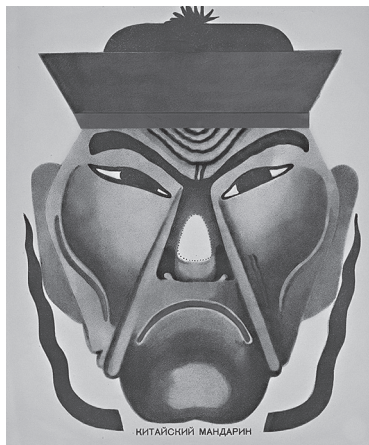
Мир в советских детских книжках о Китае разделен на два лагеря: «мандаринам», «буржуйам», «иностранцам-капиталистам» про-

тивостоят «добрые люди», они же пролетариат, нередко эмблематично обозначаемый как кули. Но по отношению к основному миру сословное деление в Китае не выглядит таким однозначным. В книге «Шесть масок» В. Ермолаевой (1930), предназначенной для самостоятельного изготовления детьми масок, «китайский мандарин» соседствует с папуасом, негритянским жрецом, индейским вождем, эскимосом и ... персонажем, который назван «белым», напоминающим ранние советские карикатуры на капиталистов. Скорее всего, автор выбирала персонажей по принципу эффектности и экзотичности, поэтому социальное положение эскимоса не нуждается в объяснении — он персонаж самодостаточный¹⁰.

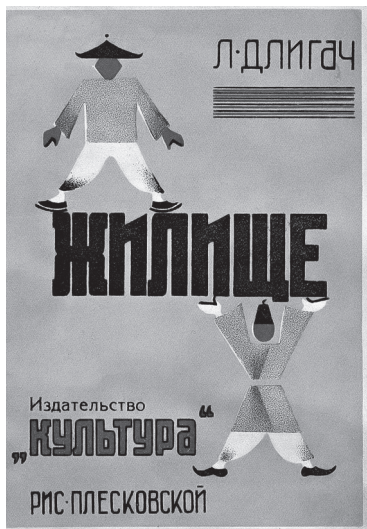
Все тексты о Китае этого периода обладают принципом комплексности. От какой бы изначальной сюжетной/жанровой модели ни отталкивался автор, он непременно включал в текст пассажи, обличающие капиталистический строй, колониализм и прославляющие спокойное трудолюбие китайцев. Простота этого приёма, обусловленного прямой идеологической задачей, скорее всего, прямо обговоренной как условие для публикации, позволяла достичь постоянной повторяемости и унификации взгляда советского ребенка на Китай.

Но, как и во многих других книжках начального периода советской власти, в книгах о Китае существовало известное противоречие между текстом и картинкой. Китай первой половины XX в. — это государство, где трудолюбивые худые рикши и кули в коротких куртках, широких штанах и конусообразных шляпах работают на зловонных толстых мандаринов в расшитых халатах. Все это на фоне кудрявых гор, домов с загнутыми кверху крышами, беседок, горбатых мостиков и китайских фонариков. Революционно-классовое накладывается на традиционно-экзотическое, воссоздается образ загадочного государства.

В отличие от взрослой литературы, где появляется много текстов о реальном Китае, о кардинальных социокультурных

Китайский мандарин (Ермолаева В. Шесть масок. Л.: ГИЗ, б/г)

Обложка книги Л. Длигач «Жилище» (Киев: Культура, 1930). Работы художника М. Плесковской

изменениях, которые происходят в жизни страны начала XX в., в детской литературе поддерживается образ государства, где изображение назревшей необходимости политических изменений микшируется картинкой полностью в стиле или хотя бы с элементами ши-нуазри¹¹.

Воссоздание образа Китая и китайцев в русской детской литературе 1920–1930-х гг. связано с образом китайского государства, которое транслируют государственные руководители, средства массовой информации и т. п. Это обусловлено социализационным характером детской литературы, которая

должна формировать у подрастающего поколения определенное отношение к представителям других национальностей, носителям иной культуры.

При том, что в определенные периоды развития российского и советского общества в нем функционировало негативное отношение к некоторым народам и странам, образ Китая и китайцев в детской литературе был не просто нейтральным, а неизменно положительным. Хотя в медиа СССР существовали два популярных образа китайцев (образ «опасного китайца» и образ «трудолюбивого и послушного китайца»), в советскую детскую литературу попадал второй образ. Китайцы изображались как дружественный трудолюбивый и мудрый народ. Но позитивные характеристики менялись в зависимости от политической ситуации: китайцы могли изображаться как люди, делающие удивительные вещи, ценимые во всем мире, как революционные товарищи — потенциальные бойцы с мировым империализмом, как жертвы империализма, страдающие от угнетения со стороны Запада, как люди, стремящиеся к культуре и народу СССР, желающие торжества советской власти; наконец, как философы и носители древней мудрости.

По сути, детская литература дает своего рода краткий очерк этапов российско-китайских отношений и соответствующих им образов Китая в российской культуре: от средневековых путевых очерков — через первую волну шинуазри — интерес к цивилизационным достижениям Китая — изображение дальневосточной экзотики как формы инаковости (вторая волна шинуазри) — подчеркивание потенциальной революционной составляющей в китайской истории — акцентирование колониальных страданий народа — вызывание сочувственного интереса к людям, непохожим на русских внешне, но ведущих в принципе сходный образ жизни — к современному представлению о Китае как стране, сумевшей сохранить древние традиции и плодотворно их развивать.

Очевидно, что многие авторы текстов 1920–1930-х гг. всего лишь отработывали очередной политический заказ, а следование поставленной задаче, идеологическому образцу и актуальным направлениям в развитии литературы облегчало прохождение рукописи. Определить сегодня степень увлеченности авторов «китайским вопросом», очевидно, сложно, мы можем лишь констатировать: детская литература независимо от жанра в условиях советских 1920–1930-х гг. создает тексты преимущественно пропагандистские, тематически сосредоточенные вокруг подтверждения советской интерпретации событий в политической жизни Китая. «Естественный союзник революционной России в борьбе с мировым империализмом» [Лукин, с. 289], Китай изображается как страна, наследующая исторический путь СССР. Китайцы интересны авторам не столько как представители другой национальности, сколько как граждане чужой страны, где происходят политические события, на основании которых пишется советский вариант мировой истории, где СССР — вдохновитель мирового революционного движения, защитник рабочего класса, оплот интернационализма его жителей.

При этом китайцы в повествовании всегда условно литературны, образ их почти эмблематичен, чуждость подчеркнута повторяющимися из текста в текст деталями. Динамика трансформации стереотипов, произошедшая на протяжении 1920–1930-х гг., показывает, что образы китайцев в детской литературе, не утрачивая этноспецифичности, становятся частью пропагандистского дискурса, в то же время сохраняя связь с традицией шинуазри и познавательных травелогов. Это позволяет говорить о своего рода наложении, палимпсесте, дискурсивном закреплении как существовавших,

так и новых складывающихся в обществе стереотипов, связанных с характеристиками национального.

Примечания

¹ О популярности этой игрушки говорит большое количество текстов с этим названием (П. Потемкин, А. Хованская и др.), а также упоминание ее и связанных с ней движений в поэзии, в том числе и в детской (См., например: «Из-за ивы смотрит заяц и качает, как китаец, удивленной головой» — Саша Черный «Кому что нравится»).

² По мнению А. В. Лукина, «для сторонников самостоятельного пути России Китай в XIX в. стал одним из символов возможности существования цивилизации и прогресса, отличных от европейских» [Лукин, с. 92].

³ Коса до 1930-х гг. будет в разного рода текстах, предназначенных для детей, изображаться как важнейшая черта облика китайца. См, например: [Костюхина 2013, с. 405].

⁴ Упоминание китайцев часто возникает в мемуарах о детстве начала XX в. В «Разбитой жизни» В. П. Катаева девочка говорит скороговорку «Жили-были три китайца: Як, Як цидрак, Як цидрак цидрони; жили-были три китайки: Ципи, Ципи дрипи, Ципи дрипи лям помпони; и женился Як на Ципе, Як цидрак на Ципи дрипи, Як цидрак цидрони на Ципи дрипи лямпомпони». С. Лунгин в «Избирательной памяти» вспоминает «жуткие черные лица и мохлястые, цвета палого листа» руки работников китайской прачечной. Подобные примеры можно множить.

⁵ См. об этом, например: [Гузей 2014].

⁶ В. Маяковский касается китайской темы также в стихотворениях «Не любилите», «Московский Китай», «В мировом масштабе» (1926), «Рождественские пожелания и подарки» (1926), «Лев Толстой и Ваня Дылдин» (1926), «Нота Китаю» (1929) и др.

⁷ Характерно, что в одноименном мультфильме 1960 г. из-за изменившейся геополитической ситуации «английская» часть сюжета полностью исключена.

⁸ Подробнее см. об этом в сопроводительных статьях А. Димьяненко, Е. Казаковой, И. Сусловой в издании «Китайского секрета» 2016 г., вышедшем в рамках издательского проекта «А и Б» И. Бернштейна: [Данько].

⁹ См. о чертах колониального (ориенталистского) дискурса в произведениях для детей этого периода: [Балина 2013].

¹⁰ Лаконичные выразительные рисунки к этой книге вызвали гневную отповедь К. Свердловой, назвавшей их «явно контрреволюционными с точки зрения интернационального воспитания детей», в том числе, видимо, из-за преимущественного изображения представителей социальной верхушки разных народов.

¹¹ Позже тенденции существенно изменятся. В 1950-е гг. на пике советско-китайской дружбы будет предпринята попытка сделать образ Китая и китайцев более близким советским детям. Книга для дошкольников журналистки О. Гурьян «Рассказы Мей Линь» (1958) рассказывает о повседневной жизни семьи маленькой девочки из Пекина. Хотя в этой жизни тоже достаточно экзотичного (Мей Линь растит водяную фею, пьет чай в китайском ресторане, собирает раковины после отлива, и т. п.), все же основной акцент сделан на сходстве в образах жизни советских и китайских семей. В 1970-е гг., когда отношения двух государств ухудшились, романтический ореол страны удивительных предметов и символов сохраняется. Среди интеллигенции образ Китая отчасти связывается с мистической восточной философией и мудростью. В довольно популярном у подростков стихотворении «Девочка из школы возвращалась...» Г. Шерговой романтический подросток решает завоевать сердце девочки тем, что под влиянием «драконов из китай-

ских сказок» решает: «он добудет ей секрет старинный/Лун фарфоровых,/всходящих на рассвете,/Привезет чешуйчатых драконов/И еще полмира ей добудет». Китай, переживающий «культурную революцию», позже резкий индустриальный скачок, в русской детской литературе воспринимается как неподвижная страна неизменных традиций. Происходит своего рода кругооборот, и постсоветские тексты «Запах миндаля» С. Георгиева — 142 рассказа, стилизованных под китайские притчи, стихотворения А. Усачева «История с бамбуком, который рос быстро-быстро», «Великая китайская стена» и т. п. заново возвращают нас к образу Китая как страны мудрецов и чудачков, непостижимых и забавных одновременно.

Источники

- Агнивцев Н.* Чашка чая. М.; Л.: Радуга, 1925.
- Андерсен Г. Х.* Снежная королева и другие сказки. София: Народна младеж, 1967.
- Барто А.* Братишки. М.: Детгиз, 1935.
- Барто А.* Китайчонок Ван-Ли. М.; Л.: Государственное издательство, 1925.
- Вяткин Г. А.* Приключения китайского болванчика. М.; Л.: Государственное изд-во, 1929.
- Вузя.* Китайчонок — октябрятам // Мурзилка. 1925. № 3.
- Вайан-Кутурье П.* Париж-Шанхай-Москва-Париж // Штурм. 1934. № 1.
- Грالیца Ю.* Детский Интернационал. М.; Л.: Государственное издательство, 1926.
- Данько Е.* Китайский секрет. М.: Благотворительный фонд поддержки культурного развития детей «Культура детства», Издательский проект «А и Б», 2016.
- Длигач Л.* Жилище. Киев: Культура, 1930.
- Ермолаева В.* Шесть масок. Л.: ГИЗ, 1930.
- Житков Б.* Избранное. М.: Просвещение, 1989.
- Маяковский В. В.* Сочинения в одном томе. М.: Художественная литература, 1940.
- Михалков С.* Избранное. М.: ОГИЗ, 1948.
- Николаев А.* Шелк. М.: ОГИЗ, 1931.
- Пантелеев А. И.* Сто почтовых марок // Пантелеев А. И. Собр. соч.: В 4 т. Л.: Дет. лит., 1983. Т.1.
- Пильчевская Т.* Чинка-Чайнка // Мурзилка. 1924. № 8. В: Архив «Мурзилки»: История страны глазами детского журнала, 1924–1954. Т.1. М.: ТриМаг, 2014. С. 24–25.
- Сняжкова М.* Китай. М.: ОГИЗ, 1930.
- Штеренберг Д.* Чай. М.: ОГИЗ, 1931.
- Яковлев П.* Дзын Фу-Фун: для октябрят про китайчат. Ростов-на-Дону: Севкавказ-книга, 1926.

Исследования

Балина М. «Все флаги в гости будут к нам»: эволюция образа ребенка-иностранца в советской детской литературе 1920–1930-х годов // «Гуляй там, где все»: История советского детства: опыт и перспектива исследования/сост. В. Г. Безрогов, М. В. Тендрякова. М.: РГГУ, 2013. С. 156–165.

Богданов К. Негры в России. Биография мнимой диаспоры // Переменные личности: Погода русской истории и другие сюжеты. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Гузей Я. С. «Желтая опасность»: представления об угрозе с востока в Российской империи в конце XIX — начале XX в. Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб., 2014.

Костюхина М. Детский оракул. По страницам настольно-печатных игр. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Литовская М., Ши С. Китай и китайцы на страницах уральских периодических изданий 1920–1930-х годов // Уральский исторический вестник. 2016. №2 (51). С. 143–151.

Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. Москва: АСТ; Восток-Запад, 2007.

Лупанова И. П. Полвека. Советская детская литература 1917–1967. М.: Дет. лит., 1969.

Панин Е. В. Из истории создания и деятельности университета для китайских трудящихся в Москве (1925–1930 годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2011. Т. 11. №2. С. 72–79.

Хеллман Б. Сказка и быль. История русской детской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2016.